

ЛИНДА КРЭЙ

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

КОГДА МАТЕРИНСТВО СТАНОВИТСЯ ПРИГОВОРОМ,
ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫХОД – БЕГСТВО.

18+

Линда Крэй

Точка невозврата

<https://litres.ru/74382818>

SelfPub; 2026

Аннотация

У Киры Алексеевой не было выбора. Смертельная болезнь матери и непосильные долги

Но роскошный дом из стекла и бетона быстро превращается в высокотехнологичную клетку.

Одержимая контролем Анна начинает маниакально следить за каждым вздохом Киры, а ее муж Вадим ведет свою собственную пугающе холодную игру, в которой Кире отведена роль живой приманки.

Отрезанная от внешнего мира в глухом лесу, под прицелом безумия и камер «умного дома», Кира узнает страшную тайну клиники: этот ребенок — не чужой эмбрион. Он родной ей по крови. Теперь, когда на кону жизнь ее первенца, Кире придется пройти через ад, выдержать смертельную схватку и совершить побег, из которого нет возврата.

«Точка невозврата» — леденящий душу психологический триллер Линды Крэй о цене материнства, предательстве тех, кому доверяешь, и первобытном инстинкте выживания.

Линда Крэй

Точка невозврата

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Автор: Линда Крэй

Эпиграф

«Птица, рожденная в золотой клетке, поначалу считает небо ошибкой. Но когда буря ломает прутья, она просто расправляет крылья и возвращается домой».

— Старинная северная легенда

Аннотация

У Киры Алексеевой не было выбора. Смертельная болезнь матери и непосильные долги

Но роскошный дом из стекла и бетона быстро превращается в высокотехнологичную клетку.

Одержимая контролем Анна начинает маниакально следить за каждым вздохом Киры, а ее муж Вадим ведет свою собственную пугающе холодную игру, в которой Кире отведена роль живой приманки.

Отрезанная от внешнего мира в глухом лесу, под прицелом безумия и камер «умного дома», Кира узнает страшную тайну клиники: этот ребенок — не чужой эмбрион. Он родной ей по крови. Теперь, когда на кону жизнь ее первенца, Кире придется пройти через ад, выдержать смертельную

схватку и совершить побег, из которого нет возврата.

«Точка невозврата» — ледящий душу психологический триллер Линды Крэй о цене материнства, предательстве тех, кому доверяешь, и первобытном инстинкте выживания.

ЧАСТЬ I. ИНКУБАЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Глава 1. Клиника на костях (Голос Анны)

Из личного дневника Анны Исаевой. 14 мая.

«Люди думают, что контроль — это действие. На самом деле контроль — это способность оставаться неподвижным, когда весь твой мир летит в пропасть. В детстве отец учил меня чертить фасады зданий. Если линия отклонится хотя бы на один миллиметр у основания, тридцатый этаж рухнет под собственным весом. Вадим никогда этого не понимал. Он всегда жил на пределе, как будто скорость могла компенсировать отсутствие структуры. Три года назад, когда его внедорожник вылетел на встречную полосу, он совершил свою главную ошибку». Он спас себя. Теперь моя очередь выравнивать чертеж».

Название частного медицинского фонда доктора Чернова маскировалось под старую купеческую усадьбу в историческом центре Южно-Сахалинска. Фасад из векового мореного дуба, покрытый слоем темного матового лака, и тяжелые кованые решетки на окнах не привлекали лишнего вни-

мания. Внутри не пахло больницей. Здесь пахло тем, что в премиальном обществе называют «тихой роскошью» — дорогим колониальным табаком, паркетной мастикой, свежим эспрессо и едва уловимым шлейфом ментолового антисептика. Холодный сырой сахалинский туман оставался там, за толстыми двойными стеклами, а здесь царил искусственный, выверенный до градуса климат.

Анна Исаева сидела в глубоком кресле из кожи цвета бычьей крови и смотрела на свои руки. Ее пальцы, тонкие, с безупречным французским маникюром, неподвижно лежали на коленях. На безымянном пальце тускло поблескивало обручальное кольцо. Оно было гладким, без единого камня — Анна всегда презирала вычурность. Она верила в геометрию, графику и абсолютный контроль. До тридцати двух лет ее жизнь развивалась как по идеальному плану: сеть премиальных ресторанов приносила стабильный доход, муж Вадим занимался логистикой и поставками, а их загородный особняк регулярно попадал на обложки архитектурных журналов.

Все закончилось на тридцать второй неделе ее собственной беременности.

Анна помнила тот вечер до мельчайших звуков. Стук тяжелых капель сахалинского ливня по крыше внедорожника. Запах дорогой кожи салона, смешанный со свежим дымом сигареты Вадима. Он курил, слегка приоткрыв окно, и пепел летел ей в лицо. Она просила его сбавить скорость. Дважды.

Но Вадим любил доминировать над дорогой и машиной. Когда встречный грузовик занесло на скользкой глине, Вадим инстинктивно вывернул руль влево, спасая свою, водительскую, сторону. Удар пришелся на пассажирское сиденье. На ее живот.

Она очнулась через двое суток в стерильной тишине палаты. Первое, что сделало ее сознание, — заставило руку дернуться и лечь на брюшную стенку. Там была пустота. Больше не было ласковых, размеренных толчков изнутри. Живот стал плоским, стянутым тугими, пахнущими йодом бинтами. Пожилой хирург с бесконечно усталыми глазами тогда тихо произнес: «Плод погиб. Матку спасти не удалось из-за обширного разможнения тканей и внутреннего кровотечения». Мне жаль, Анна Андреевна».

Вадим отделался легким испугом и аккуратным шрамом на левом плече, который он теперь так тщательно скрывал под итальянскими сорочками. Юридически он не был виноват — единственным виновником признали водителя грузовика. Но Анна винила его каждую секунду. За то, что он остался цел. За то, что его тело функционировало без сбоев, в то время как ее собственное превратилось в выжженную бесплодную пустыню.

— Анна Андреевна, вы меня слышите? — мягкий, как шёлк, голос доктора Чернова вернул её в реальность.

Чернов сидел напротив за массивным дубовым столом. Белоснежный халат сидел на нём, как дорогая мантия. Кон-

чиками пальцев он перелистывал плотные страницы её медицинской карты.

— Государственные клиники правы в одном: физиологически вы больше не сможете выносить ребенка, — Чернов откинулся на спинку кресла. — Но наш фонд не ограничен официальными протоколами. Мы предлагаем программу полного цикла. Официальные агентства суррогатного материнства — это юридический ад. Суды, капризы доноров, биологические права. Мы работаем по-другому. Мы подбираем девушек из глубинки. Сирот или тех, у кого критическая ситуация с деньгами. Они подписывают отказ от прав на ребенка еще до процедуры переноса эмбриона. В базу данных изменения вносятся задним числом. Для всего мира этот ребенок будет рожден вами.

— А Вадим? — Анна прищурилась. — Он уверен, что я просто прохожу здесь курс гормональной реабилитации после аварии. Он не знает про ампутацию. Я сожгла все справки.

— Вашему мужу необязательно знать анатомические подробности, — Чернов тонко улыбнулся. — Мы возьмем его биоматериал под видом планового обследования. Он будет уверен, что ребенок зачат искусственно, но вынашивает его сертифицированная женщина из официального реестра, которая никогда не появится в вашем доме. Вы ведь хотите, чтобы мальчик был его плотью и кровью? Чтобы закрепить за собой семейный холдинг?

— Да, — Анна решительно кивнула, открывая чековую книжку. — Он должен быть похож на Вадима. Но принадлежать он будет только мне. Вадим разрушил мою первую беременность. Этого ребенка он у меня не заберет.

Она размашистым почерком вывела сумму с шестью нулями. Когда Анна вышла, Чернов повернулся к монитору компьютера. В графе «Психологическое состояние» он дописал:

«Пациентка демонстрирует крайнюю степень маниакальной фиксации. Склонность к тотальному контролю, вызванная глубоким чувством вины и скрытой агрессией по отношению к супругу. Использовать фактор уязвимости для удержания бюджета». Подобрать донора с минимальным уровнем социальной защиты».

Глава 2. Живой контейнер (голос Киры)

Кира Алексеева ненавидела запах вокзалов. Этот вечный коктейль из пережаренного фритюрного масла, сырости, мазута и дешевого табака напоминал ей о том, откуда она бежала. Поезд из Комсомольска-на-Амуре прибыл на Сахалин с опозданием на сорок минут. На перроне стоял густой липкий туман, который тут же мелкими каплями оседал на ее старой болоньевой куртке.

Ей было двадцать три года. В её старом рюкзаке лежали

две смены белья, выцветшая фотография матери, сделанная до того, как та попала в реанимацию с полным отказом почек, и ламинированный договор от фонда доктора Черновой.

Два миллиона рублей. Именно столько стоила жизнь ее матери. Столько стоил аппарат искусственной почки, импортные лекарства и место в специализированном хосписе, где за мамой ухаживали бы квалифицированные врачи, а не уставшие санитарки районной больницы. У Киры не было таких денег. В их маленьком умирающем поселке такие суммы не зарабатывали за всю жизнь. Когда на ее отчаянный запрос на медицинском форуме откликнулся вежливый менеджер клиники Чернова, Кира не раздумывала ни секунды. Ей было плевать на мораль, плевать на то, что скажут соседи. Ей нужно было спасти единственного близкого человека.

У выхода с вокзала ее ждал черный представительский седан. Водитель молча забрал ее рюкзак и открыл перед ней заднюю дверь. Машина бесшумно тронулась. Кира прижалась лбом к холодному стеклу, глядя, как городские кварталы постепенно сменяются глухим величественным лесом. Вдоль дороги стояли вековые сосны, словно стены гигантского зеленого коридора-капкана. Чем дальше они уезжали, тем реже встречались встречные машины, пока трасса не превратилась в узкую частную дорогу с безупречным асфальтом.

Особняк Исаевых возник из тумана внезапно. Это был огромный футуристический куб из стекла, темного сланца и титана, врезанный прямо в скалистый склон холма. Дом

казался абсолютно прозрачным, но эта прозрачность была обманчива. Кира заметила, как у тяжелых кованых ворот сработала камера распознавания номеров, а на заборе через каждые десять метров тускло поблескивали объективы систем безопасности.

Ее провели через просторный холл с полом из полированного гранита. В доме было тепло, пахло свежестью и дорогим деревом, но Кире показалось, что здесь нечем дышать. Вентиляция работала с тихим, едва слышным гулом, создавая ощущение полной

Анна Исаева ждала ее в малой гостиной. На ней был кашемировый костюм

— Присаживайся, Кира, — Анна не встала, лишь указала глазами на стул. Ее взгляд скользнул по старым джинсам Кире, по ее дешевой обуви, и для Анны она была идеальным материалом. Чистым, незащищенным, послушным.

— Здравствуйте, Анна Андреевна, — тихо произнесла Кира, присаживаясь на край стула.

— Давай сразу проясним правила, — Анна пододвинула к ней чашку с

— Да, — Кира сглотнула подступивший к горлу ком. — Я понимаю.

— Нашего с Вадимом ребенка, — поправила ее Анна, и в ее

Кира посмотрела на свои дрожащие руки, лежащие на коленях. Ей хотелось встать, взять свой рюкзак и убежать об-

ратно на вокзал. Но перед глазами стояло бледное лицо матери под маской аппарата ИВЛ.

— Вопросов нет, — тихо ответила она. — Я согласна на все условия.

ЧАСТЬ II. БИОМЕТРИЧЕСКАЯ ПЛЕННИЦА

Глава 3. Стекланный склеп (Голос Киры)

Прошло четыре месяца.

Живот Киры заметно округлился, и под свободной домашней одеждой, которую ей выдала Анна, уже отчетливо угадывался холмик. Малыш внутри нее развивался строго по графику, но жизнь Киры превратилась в затяжной, монотонный кошмар.

Система «Умный дом» контролировала все. Кира не могла самостоятельно регулировать температуру в своей спальне. Стоило ей подойти к окну, как мягкий электронный голос из динамика на стене предупреждал: *«Внимание. Температура за пределами контура ниже нормы. Риск респираторной инфекции для плода. Окно заблокировано»*. Датчики движения фиксировали траекторию ее перемещений, а настенная панель трижды в день настойчиво мигала, требуя сдать экспресс-анализы в специальном шлюзе.

Анна превратилась в ее круглосуточную тень. Она больше не занималась делами ресторанов. Ее единственным проектом стала Кира. Она вела подробный дневник, куда с точно-

стью до минуты записывала каждый стакан выпитой воды и каждый цикл шевелений ребенка.

— Вчера ты провела на веранде на двенадцать минут больше положенного, Кира,

— Анна Андреевна, мне просто душно внутри, — Кира инстинктивно прижала ладони к животу. Ребенок внутри нее словно чувствовал приближение хозяйки дома и начинал испуганно биться. — Этот дом... он как аквариум. Красивый, но в нем нет жизни.

— Аквариум обеспечивает идеальную стерильность, — Анна присела напротив, поставив на столик фарфоровую чашку с неизменным ромашковым отваром. Ее глаза застыли, превратившись в два холодных осколка. — Твои метафоры меня не интересуют. Меня интересует тонус матки. Завтра в девять утра к нам приедет профессор Самойлов. Внеплановый скрининг. Я хочу лично проверить объем околоплодных вод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.